

ДІАВЛО

БУРЯ СВЕТА

Л Е Г Е Н Д Ы В Л І З З А Р Д

НЭЙТ КЕНЬОН

Diablo

НЭЙТ КЕНЬОН

Diablo. Буря света

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Кеньон Н.

Diablo. Буря света / Н. Кеньон — «Издательство АСТ»,
2014 — (Diablo)

ISBN 978-5-17-118971-6

Небеса приходят в себя после падения Единого Зла. Ангирский совет захватил черный камень души и теперь бдительно следит за проклятым артефактом, сокрытым в глубинах мерцающего Серебряного города. На фоне этих судьбоносных событий архангел Тираэль пытается свыкнуться с новой для себя ролью Аспекта Мудрости. Став смертным, он как никогда чувствует себя неуместным среди собратьев-ангелов и сомневается, что ему по плечу новое назначение. Пытаясь отыскать в себе уверенность, Тираэль осознает мрачное влияние черного камня души на его дом. Там, где прежде царила гармония света и звука, нарастающие противоречия грозят окутать тьмой весь мир. Империи и остальные архангелы категорически против сокрытия или уничтожения камня, и Тираэлю не остается ничего иного, как вновь вверить судьбу Небес в руки человечества... Созвав могучих людей со всех концов Санктуария, Тираэль возрождает древний орден хорадримов и поручает ему невыполнимую задачу: похитить черный камень души из самого сердца Небес. Это бремя было возложено на плечи пяти героев: Джейкоба из Стаальбрика, прежде бывшего воплощением Справедливости и хранителем ангельского клинка Эл'друина; Шанар, чародейки с невероятными способностями; Микулова, набожного, но проворного монаха; Джинвир – бесстрашной, закаленной в боях женщины-варвара; и Зейла, таинственного некроманта. Против них – силы добра, зла и даже само время. Сумеют ли герои сплотиться и выполнить свою опасную миссию, прежде чем Небеса обратятся в руины?

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-118971-6

© Кенъон Н., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Пролог	7
Часть первая	12
Глава первая	12
Глава вторая	21
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Нэйт Кеньон

Diablo. Буря света

Посвящается Элли Роуз, сладко засыпающей ранним утром во время творческих порывов своего папочки.

Пролог Небеса

С незапамятных времен силы света и тьмы не могли вырваться из порочного круга Вечного Противостояния.

На протяжении многих веков бушевали наши сражения, подобно пламени, что вспыхивает от малейшей искры. Всякий раз, когда ангелам удавалось одолеть силы тьмы, зло непременно возвращалось, становясь сильнее прежнего. И вот наконец настал тот час, когда хранители света и правители Небес одержали окончательную победу.

На пороге Конца Дней наша глупая гордыня ослепила нас. В облике ребенка Дьябло возродился из пепла и через Санктуарий попытался разрушить Алмазные Врата. Он был в шаге от победы, ведь ему почти удалось достичь Хрустальной Арки, источника силы ангелов.

Но вмешались люди.

Лишь одна смертная душа выступила против разрушения двух миров. Безграничное мужество нефалема придало всем нам силы, переломило ход судьбы и низвергло Дьябло, тем самым даруя спасение Санктуарию и Небесам.

Но тьма так просто не отступится. Мы вновь слишком рано заявили о своей победе.

Единое Зло низвергнуто.

Но существуют и другие силы, стремящиеся уничтожить мир людей.

С высоты птичьего полета город казался чередой горных вершин, покрытых серебром и скрывающихся в густых облаках тумана. Его размеры были столь впечатляющими, что простой человек вряд ли смог бы даже вообразить нечто подобное. В центре, возвышаясь над всем прочим, виднелась сияющая башня, увенчанная многогранной аркой и сверкающая, словно ограненный бриллиант. Небесный свет ласкал ее стены и подобно огненным крыльям окутывал все вокруг, ослепительно мерцая и согревая тьму.

Серебряный город.

Архангел Мудрости лишь недавно осознал, что *обители ангелов нет кроватей.*

Лишь когда тепло и свет, проникнув внутрь комнаты через парящую арку, вдохнули жизнь в огромный зал, Тираэль оторвал усталый взгляд от того места, где на пергаменте лежало перо. Пока в его груди не поселилась смертная душа, сон ему не требовался. Теперь же постоянный свет, пронизывающий Небеса, нарушал его внутренние часы, и архангел остро чувствовал желание положить голову на нечто более мягкое, чем каменный пол этих залов. Но ему только предстояло придумать нечто более удобное. Потеря крыльев и так дала его братьям достаточно поводов выискивать его слабости, и он не намерен давать им еще один.

Тираэль размял затекшие пальцы. Он делал свои собственные заметки поверх жутких каракулей Декарда, но на сегодня с него явно достаточно, даже несмотря на то, что архангел обещал Декарду и Лии закончить то, что они начали. И все же он не мог заставить себя закрыть глаза. *Сейчас не время.* Ему было над чем поразмыслить, помимо несовершенства своего смертного тела. К примеру, о постоянных разногласиях с Империем и Советом. О роли людей в вершении их судеб. И о судьбе самого Санктуария.

И прежде всего о той, казалось бы, уже совершенно безвредной реликвии, что хранилась в их обители, но чье влияние черной смолой расплзлось по священной земле.

Архангел покинул свои покои и пошел вдоль пустынных комнат и коридоров, что складывались в Палаты Правосудия и образовывали Круг Правосудия. Его шаги эхом отражались от нескончаемых плит из полированного камня. В качестве смертного ему было трудно принять окружающее пространство. Здесь он провел бесчисленные тысячелетия, но теперь все виде-

лось в ином свете. Каждое помещение было грандиознее предыдущего, над головой парили остроконечные арки и замысловатые резные своды, пучковые колонны простирались далеко за горизонт, свет отражался от бесчисленных хрустальных граней и, хаотично перемещаясь, переливался всеми цветами радуги.

Когда ангелы находились здесь, их песни сливались с Аркой и образовывали идеальную гармонию света и звука. Но сейчас зал Справедливости пустовал, его просторные дворы и скамейки были безмолвны и холодны, а музыка Небес – мягкой и приглушенной.

Архангел почувствовал странную боль в груди. Он тосковал по былым временам. И хотя ангелы по-прежнему приходили сюда со своими разногласиями, бывшая обитель Тираэля так и оставалась практически незанятой после его ухода. Воин света, Защитник Арки, обосновался с Империем в Залах Доблести.

«Мне следует убраться отсюда, – подумал Тираэль. – Это лишь отголоски прежнего меня, который никогда не вернется». И все же он не мог. С исчезновением Малтаэля обитель Мудрости тоже опустела, и Ангирскому совету пришлось несладко. Тираэль собирался взять на себя эту ношу и помочь в принятии сложных решений, с которыми предстоит столкнуться Совету. Но заводы, наполняющие это место, казались ему чужими и вызывали тревогу, а песни Чалад'ар не находили отклика в сердце архангела. Легендарный сосуд требовал особых способностей, и Тираэль не был уверен, что обладает таковыми.

Он почувствовал боль в спине и покалывание в колене. Его физическая оболочка уже начала разрушаться, медленно унося архангела в могилу, где предстоит очутиться каждому смертному. В глубине души он был уверен, что сделал правильный выбор. *И все же он по-прежнему сомневался в себе.*

Как архангелу примириться с человеческой хрупкостью? Как он сможет противостоять тьме, если его тело столь уязвимо? Был бы он более подготовленным, если бы сделал иной выбор?

Суды Справедливости уступили место атриуму, что теперь возвышался над его головой. За другой аркой раскинулось плато из камня и хрусталя, расписанное замысловатыми волнистыми узорами. Зал Ангирского совета. Тираэль увидел троны, на которых сидели архангелы, вынося решения. Комната была пуста, и свет, который раньше проникал через арочные окна, здесь, как ни странно, отсутствовал.

Черный камень души покоился на своем постаменте, словно ожидая его прибытия.

Острые грани камня тянулись из основания, словно почерневшие когти. Он был чуть больше человеческого черепа. Как такая небольшая вещь могла вмещать столь ужасную тьму?

Тираэль медленно приближался к камню, который одновременно зачаровывал и отталкивал. По телу пробежал знакомый холодок, похожий на страх смертельного ранения. Кровавый свет, исходивший от Черного камня души, погас после падения Диабло, и камень был изъят с нижних ярусов Небес. Однако сейчас Тираэлю почудилось, что он увидел в темных глубинах странный блеск.

– Стой!

Архангел протянул руку к камню, однако тут же отдернул ее и обернулся на голос.

Балзаэль стоял в арке, ведущей в комнату, его внушительная фигура частично пряталась в тени. Правая рука Империя. Воин света шагнул на платформу и расправил свои великолепные крылья, мгновенно устремившиеся ввысь вихрем света. Доспехи Балзаэля сияли золотом, а на груди был выбит символ его звания.

– Что Мудрость делает здесь в одиночку?

Тираэлю показалось, или название его нового назначения было произнесено с насмешкой?

– Это тебя не касается, Балзаэль. Я хожу там, где мне угодно. Или Империй послал тебя следить за мной?

– Я охраняю камень, – ответил Балзаэль. – Такую задачу поставили передо мной в числе прочих.

– То есть это не единственный приказ, отданный тебе Архангелом Доблести, так ведь? Он не доверяет собственному брату?

– Смертные души легко развратить.

От подобной наглости воина сердце Тираэля забилося быстрее. Подтекст был ясен: у Балзаэля есть крылья, а у Тираэля нет, и потому он теперь ниже по положению.

– Гордыня ангелов делает их слепыми, – проговорил архангел. – Нет так давно я отдавал тебе приказы. Или ты уже позабыл?

Вместо того чтобы отступить, Балзаэль сделал шаг вперед.

– Из твоих уроков я хорошо усвоил, когда стоит проявить бдительность.

Рука Балзаэля едва уловимо потянулась к мечу. Этот посыл был предельно ясен. Столь дерзкий вызов привел Тираэля в ярость, он тоже шагнул вперед, расправив плечи и готовый в ту же секунду выхватить висевший на поясе Эл’друин. Однако он осознавал предел своих возможностей: несмотря на немалый боевой опыт, он уже не так силен, как тогда, когда был бессмертным.

На краткий миг Тираэль поверил, что Балзаэль схватится за оружие. Внезапно вход в зал озарил свет. Архангел Надежды предстала перед ними и, казалось, мгновенно оценив ситуацию, сделала шаг вперед.

– Оставь нас, – обратилась она к Балзаэлю. – Мы скоро встретимся.

– У меня нет сведений о подобном...

– Ангирский совет не обязан уведомлять тебя обо всем! – отрезала Ауриэль. Свет вокруг нее изменился, пульсируя подобно сердцебиению. Она нечасто бывала столь категоричной, и теперь ее слова возымели нужный эффект. – Я прослежу за камнем. А теперь ступай.

Поколебавшись, Балзаэль слегка поклонился.

– Как пожелаете, – сказал он, а затем развернулся и исчез в арке, унося свой свет во тьму.

Ауриэль и Тираэль остались наедине. Спустя пару мгновений она обернулась к нему.

– Он стал высокомерным после того, как продвинулся по службе.

– Храбрость и высокомерие – близкие родственники, – ответил Тираэль. – Он проявил чудеса героизма в борьбе с Единым Злом и отправил обратно в Преисподнюю больше демонов, чем кто бы то ни было. Империй сделал верный выбор. На его месте я бы поступил так же.

– Возможно. – Свет, исходивший от Ауриэль, стал мягче и теплее. – Я полагаю, ты явился на заседание, хотя Совет и не объявлял о собрании. Ты выглядишь... уставшим, брат мой. Не можешь уснуть?

– Если бы я только мог вообще обходиться без сна!

– Увы, ты не можешь, – произнесла Ауриэль. – Я чувствую твою внутреннюю борьбу. Это и привело меня сюда из садов. Балзаэль, он... – она провела рукой, будто отбрасывая подобные мысли. – Небеса – не то место, где прощение дается легко и все умеют выражать чувства. Ангелы могут не согласиться с тем, что ты сделал, Тираэль, но это не делает твой выбор менее значимым.

Ауриэль сняла Аль’маиш, Нить Надежды, и предстала перед архангелом самим воплощением света, облаченная в ниспадающие одежды и доспехи, покрывавшие все ее тело до самых кончиков пальцев. Когда она накинула нить на плечо Тираэля, смертное тело окутало тепло, несущее спокойствие и благополучие.

Время словно остановилось, когда нить обернулась вокруг него. Затем Ауриэль сняла ее и тепло исчезло.

– Ты обеспокоен, – сказала она спустя некоторое время. – Из-за меня?

– Ни в коем случае, – ответил Тираэль, изо всех сил стараясь оставаться бесстрастным, как и подобает архангелу.

Он просто не мог рассказать ей правду. Каждую ночь, засыпая, он, как и все смертные, видел сны: не видения ангелов, а нечто более захватывающее, динамичное, переносящее его в те места, где он никогда прежде не бывал. Поначалу эти сны были наполнены радостью – он видел пейзажи Небес и картины их прежнего бессмертного существования. Но одна ночь сменялась другой, и сны тоже стали меняться. Сияющий свет и музыка в них становились все более мрачными и зловещими. Тираэлю снилось, что его преследует какая-то ледяная и безжалостная тень, сжимающая тело так, что замирает сердце, и он не в силах убежать. В его снах были человеческие города, целиком стертые с лица земли, крики предсмертной агонии людей, чьи тела разрывало на куски. Снились обрушившиеся здания и даже сам мир – расколотый и обращенный в пыль.

Ауриэль не в силах понять эти сны. Отныне Тираэль смертный, и пропасть между ними слишком велика. И все же смертные слабости привели Архангела Мудрости к знанию, которым не обладал Ангирский совет. Гордыня собратьев не позволяла им почувствовать опасность, с которой они теперь столкнулись.

Ауриэль вернула Аль'маиш обратно на шею и нить света вновь стала с ней единым целым.

– Ты – Мудрость, – сказала она. – И тем не менее ты не отдыхаешь в тени заводей. Ты по-прежнему не принял эту роль. Твое руководство поможет нам в правлении Небесами, если ты все же решишься.

– И если Совет будет готов меня слушать.

– Остальные замечают твоё беспокойство, – произнесла она. – Они не могут понять, почему ты сбросил крылья. Если ты знаешь, кому принадлежит твоя преданность...

– А как насчет того, что я обещал построить между ангелами и людьми? Много веков назад наши голоса спасли Санктуарий от уничтожения. Людям есть что нам предложить. Без нефалема Единое Зло разрушило бы Арку, и Небеса лежали бы в руинах!

– Да, но без участия людей это не было бы создано, – сказала Ауриэль, указывая на камень, продолжающий лежать на постаменте. – Совет обсудит это, Тираэль, в более подходящем для подобных обсуждений месте.

– Эти обсуждения ничего не изменят, – ответил Тираэль. – Империй не станет сдавать позиций. Я верю, что Итераэль также проголосует против сохранения Санктуария. Это не то будущее, что я желал для нас, сестра. Вместе ангелы и люди смогут навсегда свергнуть тьму.

Она повернулась, словно намеревалась уйти, но Тираэль преградил ей дорогу.

– Решение останется за нами. Встанешь ли ты рядом со мной так же, как прежде?

Совет не одобрял подобных разговоров за пределами официальных заседаний, и Ауриэль промолчала. Тираэль как никогда отчетливо почувствовал холодность и жесткость в ее поведении. Прежде Ауриэль всегда выступала за спасение человечества, и теперь он не мог понять причину ее молчания.

И он боялся того, что оно могло значить.

На мгновение они оказались совсем рядом. Тираэль зашел слишком далеко. Опечаленный, он отступил в сторону, и Ауриэль прошла мимо, не проронив ни слова. Он отпустил ее, и боль в груди усилилась, когда она исчезла в арке, оставив его в одиночестве. Их дружба выдержала тысячелетия, и теперь ее ледяное молчание резало его сердце, словно сотни маленьких осколков. Тираэль все сильнее чувствовал растущее недоверие архангелов.

Он вновь обернулся к черному камню души. Тот лежал тихо и неподвижно, словно издеваясь над ним. Архангел внимательно изучил его. Внешний вид камня изменился, в этом он был уверен. Разве он был настолько налитым тьмой, когда впервые появился в этом зале?

«Я подозреваю, что он реагирует на мое присутствие. Если так, то время на исходе. Тьма заполонила Небеса, как никогда прежде. Это не похоже на прямую атаку врат, предпринятую Единым Злом. Нечто более тонкое, коварное... надвигающаяся тьма, которую способен почувствовать лишь я один», – думал архангел.

Архангел Мудрости опасался за будущее Небес и Санктуария и верил, что их всех ждут испытания, ужаснее которых они еще не ведали.

За пределами Зала Ангирского совета скрытый тенью Балзаэль стоял и смотрел, как уходит Ауриэль, дожидаясь, пока свечение ее крыльев не исчезнет окончательно.

Он слышал не каждое произнесенное слово, но услышал достаточно.

В это время в залах царила тишина; нет, ангелы не спали, подобно смертным, но и у них были тихие периоды созерцания и изучения, когда музыка Небес становилась мягче, а их обитатели застывали без движения. По всем правилам Балзаэлю тоже следовало быть среди них. Но задание, что ему поручили, было важным, и он жаждал исполнить свой долг.

Пока события развивались именно так, как и предсказывал Хранитель. Для успеха дела каждый шаг должен быть тщательно продуман. А до тех пор Тираэля следует держать под контролем, не взирая на вмешательство Ауриэль.

Через мгновение Тираэль покинул зал. Балзаэль отступил, скрывая крылья, чтобы остаться незамеченным. Глаза смертных во многом были не так остры, но они отлично улавливали свет. Он смотрел, как Тираэль отдаляется от места встречи Совета и его шаги эхом разносятся по коридору. От него исходил запах смертной плоти. Балзаэль старался подавить в себе отвращение. Он не мог понять, как легендарный архангел мог пасть так низко и так быстро. Но уже совсем скоро это зловоние сгинет навечно.

Балзаэль дождался, пока Тираэль удалится на достаточное расстояние, и, надвинув капюшон пониже, двинулся следом. Позже он отправит донесение Хранителю и получит дальнейшие указания. Тираэль не знал, что ему отведена ключевая роль в вопросах жизни ангелов и людей, а также в завершении Вечного Противостояния и прекращении войны между Небесами и Преисподней.

Но прежде всего нельзя допустить, чтобы Тираэль остановил тьму, которая уже начала расползаться по обители ангелов.

Будущее Небес висит на волоске.

Часть первая Тьма расползается

Глава первая Таверна «Странник», Калдей

– Вход в гробницу черен, как пасть молотильщика, – тихо произнес толстяк, наклонившись вперед, словно собирался раскрыть страшную тайну. – Наш факел успел осветить лишь пару шагов, прежде чем его поглотила тьма. Запах гнили из ямы указывал на покойника, который желал остаться погребенным.

Сквозь клубы дыма он посмотрел на освещенные лица людей, чьи взгляды были обращены на него. Он заглянул в глаза каждому, стремясь сосредоточить их внимание на жалобно звучащей лире в дальнем конце таверны. Сильно потрепанные и залатанные в нескольких местах сюртуки и брюки мужчины указывали на принадлежность к дворянству Калдея.

Число собравшихся у камина вновь увеличилось, когда облаченная в сшитое из мешковины платье женщина бросила звонкую монету в покоящуюся на столе шапку из свиной кожи. В воздухе повис запах дрожжей и кислого молока, когда она устраивалась на стуле.

– Какое это имеет отношение к мальчишке-императору?! – выкрикнул один из мужчин. – Ты собирался объяснить причины восстания и эвакуации города.

– Давай без утаек, – сказал другой на противоположном конце комнаты. – По слухам это дело рук Владыки Преисподней, который извергает зеленый огонь, но жрецы Закарума состоят в сговоре с гильдией торговцев и желают смены власти. Они стоят за всем этим, зуб даю! К счастью для Хакана, ему удалось выжить.

– Дайте ему сказать, – произнесла женщина в мешковатом платье, указывая на рассказчика. Она улыбнулась, обнажив черные зазоры там, где должны были находиться передние зубы. – В городе и так полно проблем. Мы можем рассчитывать на парочку хороших историй.

Бармен, телосложением напоминающий варвара, нахмурился и продолжил полировать стойку грязной тряпкой, не забывая качать головой и бормотать что-то себе под нос.

– Это не просто история, уверяю вас, – быстро сказал рассказчик. – Каждое слово правда.

За его спиной полыхал огонь. От затылка вниз по виску струился пот. Рассказчик кивнул женщине и его бакенбарды дернулись от едва заметной улыбки, прежде чем на лице вновь застыло правдоподобное выражение ужаса.

– На чем я остановился? Ах, да. Это была затерянная могила одного из могущественных магов ордена хорадримов, которого развратило *коварное зло*, и он вступил в сговор с *демонами*. Маг уже много лет был мертв, но мой наставник провел многочисленные исследования и выяснил, что место его упокоения наверняка населено призраками и защищено смертоносными заклинаниями. Мы все подозревали, что поджидающее нас под землей не принадлежит нашему миру и никто – ни мужчина, ни женщина, ни девушка, которая помогла нам добраться до проклятого места – не желал идти первым. И все же мы были обязаны продолжить путь, ведь от нас зависела судьба всего Санктуария.

И тут снизу раздался нечеловеческий крик, словно какое-то существо пытали и разрывали на куски! Так звучит сама смерть. Меня охватил такой страх, что сама кровь застыла в жилах, но аль-Хазир выхватил из рук чародея факел и зашагал к лестнице. «Пошевеливайтесь, – сказал он. – Пусть я всего лишь бедный странствующий летописец, но я первым пролью свет на эту демоническую пасть!»

Голос становился все громче, когда рассказчик описывал путь в гробницу. Толпа зашумела, и звуки двигающихся табуретов зевая, желавших послушать, заглушили голос толстяка. В шляпе звякнуло еще несколько монет; одни слушатели качали головами и посмеивались над подобной небылицей, другие смущенно улыбались. Калдей пребывал в смятении, и рассказы о черной магии и демонах подстегивали разыгравшееся воображение его жителей.

Футах в десяти от них за угловым столиком сидел блондин, обхвативший руками кружку с медовухой, и лишь легкий наклон головы выдавал, что он тоже слушает рассказ. Незнакомец носил простую серовато-бурую одежду кочевника, его талию охватывал пояс, на котором висели ножны короткого клинка. Мужчина был худощав, угловатые черты его лица скрывала тень. Больше он ничем особенным не выделялся. Он не был родом из Калдея, но, если бы у постояльцев спросили, откуда он, никто в таверне не смог бы дать четкого ответа. С тех пор как он зашел в «Странник», остальные посетители оставили его в покое, словно почувствовав его нежелание общаться.

Рассказчик продолжал вещать, так неистово размахивая при этом короткими руками, что мог в любой момент упасть со стула. Его господин, аль-Хазир, столкнулся с огромным нечеловеческим существом, сделанным из камня и песка, поведал толстяк, и одолел его благодаря своей смекалке, когда другие искатели приключений потерпели неудачу с их заклинаниями и мечами.

– Много веков назад хорадримы обезглавили Кулла, чтобы тот не смог восстать из мертвых, – продолжал он. – Мы нашли жуткие останки в ритуальном зале, где ведьма начала читать свои заклинания несмотря на предупреждение моего господина. Аль-Хазир был знаком с «Демоникусом», авторства самого Золтуна Кулла...

– Эй, а ну проваливай отсюда! – внезапно закричал бармен. Он продолжал яростно тереть грязной тряпкой испарпанную и потертую поверхность стойки, пока толстяк нес свои бредни, и теперь его лицо покраснело от ярости. – С меня довольно! Неси свою чепуху на улице, а не в моей таверне!

Музыкант, игравший на лире, резко остановился, и несколько оставшихся посетителей, не обращавших до этого внимания на происходящее у камина, повернулись к нему. Толстяк яростно заморгал.

– Еще по одной, Марли, за предоставленные неудобства...

Бармен швырнул тряпку, снял заляпанный передник и вышел из-за стойки. Он взял палку из кучи валяющихся у стены дров и, помахивая ей на манер дубинки, направился к рассказчику.

– Для тебя – нет. А теперь убирайся, я сказал. – Он обвел дубинкой собравшихся у камина слушателей. – Остальные могут пойти с ним и устроиться там, за углом, на холоде, если вы не передумали слушать подобные бредни. Или платите деньги за то, чтобы набить брюхо здесь, в тепле.

Бармен зашвырнул палку в огонь. Толпа заворчала, когда взметнувшийся столб искр и облако черного дыма окутали сидящих на табуретах, заставив тех закашляться и разойтись. Оставшиеся посетители таверны смеялись, когда рассказчик, пьяно спотыкаясь и продолжая протестовать, пытался встать. Он схватил шляпу и чуть не рассыпал монеты, когда бармен стиснул его руку, бормоча под нос проклятия.

– Иди и найди своего господина, – произнес бармен, подталкивая его к выходу. – Может, он сумеет наложить заклинание на твой язык, чтобы ты перестал болтать.

– Я прошу вас передумать, – сказал рассказчик, делая очередную попытку устоять на ногах, когда бармен распахнул входную дверь и в таверну ворвался порыв ледяного ветра. – Мне есть что рассказать! Люди должны услышать! Аль-Хазир встретился с самим Тираэлем, Архангелом Справедливости...

– Мне нет дела даже до того, знает ли он, где в последний раз нагадил мальчишка-император, – произнес бармен. – Здесь он ничего рассказывать не станет, впрочем, как и ты.

С этими словами он вышвырнул толстяка на улицу. Дверь захлопнулась, отгораживая комнату от уличного холода. На мгновение огонь угас, и по лицам людей, наблюдавших за происходящим, пробежала тень. Никто из них не пошевелился. Затем бармен сделал знак музыканту, и фальшивящая мелодия зазвучала вновь, а люди вернулись к своим напиткам. Некоторые из них снова развеселились, когда огонь в камине опять затрещал.

Никто не обратил внимания, как блондин, сидевший за угловым столиком, через несколько минут встал и выскользнул за дверь, растворившись в ветреной ночи, словно призрак.

* * *

Обшарпанная деревянная вывеска «Странника» хлопала по столбу, а ее цепи гремели на обжигающем морозе. Порывы ветра бросали в лицо жалящие горсти песка и охапки соломы, из ближайших конюшен несло навозом. Несколько факелов уже погасло, а скрытая облаками луна лишь добавляла сумрака.

Джейкобу из Стаальбрика понадобилась пара мгновений, чтобы натянуть капюшон и завязать на шее плащ, прежде чем начать вглядываться в вихрь песчинок, пытаясь разглядеть рассказчика. «Тираэль», – сказал этот болтун. Архангел, который носит Эл’друин. Толстяк совершенно неправильно истолковал некоторые детали, связанные с воскрешением Золтуна Кулла. Трактирный болтун был лишь шутком, который, вероятно, никогда и близко-то не подходил к настоящему демону, но случайное упоминание об архангеле заставило Джейкоба настроиться. Он обязан выяснить, была ли в этой истории хоть крупица правды.

Владелец магазина для алхимиков отчаянно заколачивал ставни толстыми досками, чтобы те не унесло ветром. Звук эхом разносился по пустой улице, напоминая глухие удары боевого топора по щиту. В остальном город казался покинутым – все остальные его жители стремились укрыться от шторма. Джейкоб заметил толстяка как раз перед тем, как тот, сгорбившись от ветра и шатаясь от выпитого, исчез в темноте. Джейкоб двинулся вперед, быстро сокращая дистанцию.

* * *

Рассказчик повернул за угол и продолжил свой путь уже ровным шагом, не оглядываясь. Он пересыпал монеты в карман и нацепил на голову старую шляпу, которая подпрыгивала при каждом его шаге. По мере того как он шел вперед, шаги его становились все увереннее. К тому времени, как он добрался до грязной улочки с полуразвалившимися лачугами на окраине Калдея, толстяк уже не шатался, а Джейкоб отставал от него всего на несколько шагов.

Эту часть города, располагавшуюся недалеко от торговой улочки, населяли в основном чернорабочие и проститутки, воры и сумасшедшие, и факелов тут не было. Темнота наступала, позволяя разглядеть лишь размытые очертания домов. Каким бы пьяным рассказчик не был, ему тут явно не место – даже стража появлялась здесь после наступления темноты крайне редко. Дома, выстроенные из местной глины, были крыты сухими листьями кукурузы, которые свистели и гремели на ветру. Эти звуки заглушали шаги преследователя, хотя толстяк все равно бы его не услышал: Джейкоб провел много лет, тренируясь подкрадываться к своей цели быстро и незаметно.

Может быть, потеря Меча Правосудия, Эл’друина, ослабила его и сделала более отчаянным, подумал Джейкоб. Меч помог бы ему выяснить истинные намерения этого человека. Джейкоб скитался по этим землям без малого двадцать лет, выискивая места, где был нарушен

баланс между добром и злом, и носить меч архангела Тираэля стало для него так же привычно, как дышать. Без меча он ощущал себя слепым, будто шарил в темноте до тех пор, пока руки не встретят сопротивления, а это очень опасно. Особенно в подобном месте, где его могли резать за пару сапог.

Он больше не был героем. Да он никогда и не считал себя таковым, даже если другие были с этим не согласны; он просто вершил правосудие так, как того требовал меч. Однако он так далеко зашел, что возвращаться обратно уже не было смысла. Он должен увидеть, чем все закончится.

Джейкоб едва мог разглядеть фигуру толстяка, который направлялся к самому большому (и единственному, где горел свет) дому. Из маленького окошка в толстой глинобитной стене пробивалось красноватое свечение, достаточно яркое, чтобы постройка выделялась в ночи подобно маяку. Возможно, рассказчика тянуло к нему по наитию, и он просто стремился найти теплое место и укрыться от ледяного дыхания бури. А может, он шел туда целенаправленно. Хоть одежда толстяка и указывала на то, что когда-то у того водились деньги, ни один дворянин Калдея не был найден мертвым в «Страннике». Именно эта улица выступала последним бастионом на пути к забвению.

Джейкоб нагнал его у самой двери. Толстяк попытался нащупать грубую веревку, которая заменяла замок. Он вздрогнул от внезапного прикосновения руки к своему плечу и негромко вскрикнул. Джейкоб развернул его и увидел, что кровь отхлынула от лица мужчины, и тот сделался блее призрака. Ростом они были примерно одинаковы, а вот вес рассказчика превосходил Джейкобов фунтов на двести. И все же в таком состоянии толстяк не представлял угрозы.

– Твоя история, – обратился к нему Джейкоб. – Чем все закончилось?

– П-прошу прощения, – пробормотал толстяк, выпучив свои пороссячи глазки, и уставился на темный капюшон Джейкоба. – У-у меня нет больше денег...

Ветер сорвал с крыши кукурузный лист и швырнул его на землю.

– То, что ты рассказывал в «Страннике». Что тебе известно об архангеле Тираэле?

– Ничего. В смысле, ничего важного. Я просто пытаюсь подзаработать, чтобы прокормить себя. – Толстяк прищурил глаза, словно пытаясь нащупать какую-то связь. – Вас послали сюда, чтобы выследить бедного Абд аль-Хазира?

– Аль-Хазир, странствующий летописец? Он там, внутри?

Замешательство на лице толстяка выражало куда больше, чем заданный вопрос. Он открыл было рот, чтобы ответить, но так ничего и не сказал. Вместо этого он сунул руку в карман своих штанов, вывалив содержимое прямо на землю под ногами.

Монеты покатались по толстому слою пыли.

– О, нет, – толстяк покачал головой, затем попятился назад, и уперся прямо в дверь. – Забери все, что есть, и просто оставь меня в покое... Или ты демон, что пришел по мою душу?

Джейкоб не ответил. Он поднял с земли медальон на золотой цепочке, который выпал из кармана мужчины. Тот поблескивал в красном свете, исходившем от окна. На поверхности были высечены весы, печать алхимиков. Джейкоб похолодел.

– Где ты его взял?

Из темноты раздался стон. Поначалу Джейкоб решил, что это воет ветер, но стон доносился из дома.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме шелеста и свиста кукурузы.

А затем они услышали пронзительный женский крик.

* * *

Толстяк двигался на удивление стремительно – Джейкоб и не предполагал, что тот вообще способен на такое. Он заглянул в окно, а когда обернулся, дверь в дом была распахнута настежь, и рассказчик исчез.

Джейкоб спрятал медальон на груди и шагнул в темноту. В воздухе стоял густой запах тухлого мяса. Он откинул капюшон и вытащил из ножен фамильную реликвию – короткий клинок с потертой деревянной рукоятью и острым лезвием. Первая комната была совершенно пуста, не считая тюка сена в углу. Рядом стоял камин, но угли давно погасли и не давали тепла.

Мужчину нигде не было видно. Красное свечение исходило из другой комнаты в глубине дома. Джейкоб остановился перед второй приоткрытой дверью и прислушался. С той стороны доносились шорохи.

«Что бы ты там ни обнаружил, рисковать не стоит». И все же он чувствовал, что обязан последовать за рассказчиком. Этот медальон... и женский крик... За этим скрывалось что-то важное.

Он толкнул дверь, которая заверещала, как заколотая свинья, и широко распахнулась, ударившись о стену.

На полу комнаты был начертан полукруг, на концах которого виднелись фигуры, скрытые тенями. В центре полукруга стоял стул, на котором сидел кто-то связанный – явно женщина. Ее плечи покрывала грязная накидка, а на шее был затянут мешок, скрывавший лицо. Мрачные фигуры на концах полукруга оказались людьми в темных одеждах. Они держали длинные, зловеще изогнутые ножи, которые отражали кроваво-красный свет, исходящий от рун, что были нарисованы на потертых деревянных половицах. Джейкоб не был знаком с рунами, но ритуал, который тут проводили, наверняка должен был закончиться кровопролитием.

Эту комнату явно не впервые использовали для подобных злодеяний. Джейкоб отшатнулся, в пересохшем горле стоял ком. Пятна застарелой крови, черной словно смола, покрывали стены и пол.

«Культисты, и похоже, на службе у ведьмы».

Он был уверен, что Ковен уничтожен или, по крайней мере, рассеян по миру после смерти Магды. Джейкоб стоял неподвижно, держа меч наготове, сердце его бешено колотилось. Ему вспомнились слова давно почившего отца: «Не бросайся в бой словно раненый бык, если не хочешь, чтобы это сражение стало последним». Он нарушил главное правило, которому раньше следовал неукоснительно. Он хотел развернуться и сбежать; Джейкоб не мог выступить против них, теперь уже не мог. Он больше не был воплощением Справедливости, с тех пор как Эл'друин исчез, лишив его силы.

Но если он сбежит, ни в чем не повинная женщина умрет. Он не мог допустить подобного исхода.

На мгновение в комнате воцарилась тишина, а затем все присутствующие как один повернули к нему скрытые капюшонами лица. Стул, на котором отчаянно извивалась женщина, скрипел так громко и жутко, что Джейкоб почти почувствовал, как холодные клинки культистов вонзаются в его собственную плоть, выпуская кровь, которая окрашивает пол в красный цвет.

Сзади послышался шум. Джейкоб обернулся и обнаружил, что толстяк неведомым образом обошел его сбоку и умудрился остаться незамеченным. Теперь трактирный болтун стоял у выхода, скрестив на груди мясистые руки.

Толстяк усмехнулся и покачал головой:

– Джейкоб из Стаальбрика.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Ты совсем расслабился на пенсии. Неужели ты думал, что отнять у меня добычу будет так просто? Ты думал, что я расскажу тебе все, что ты хочешь знать, без боя?

– Я... Мы раньше встречались?

Толстяк вновь усмехнулся:

– Не в этом воплощении.

От поднял руки и вцепился ногтями себе в лицо, проводя пальцами по пухлым щекам и срывая кожу длинными желтыми полосками, которые натягивались и рассыпались, словно глина на солнце. Под кожей оказалось чудовище, состоящее из влажно поблескивающих сухожилий, мускулов и костей с наростами. Глаза существа были красными, словно сквозь них выглядывала сама Преисподняя.

– Бар’агил, – прошептал Джейкоб. Он уже сталкивался с этим демоном много лет назад. Силы Преисподней были отброшены, но их приспешники все еще бродили по Санктуарию и жаждали крови невинных.

Мысли вернулись обратно в таверну, к случайному упоминанию Тираэля; вот так неуклюжий дурак безо всяких усилий втянул его в самый эпицентр бури. Ловушка была расставлена, и он угодил прямо в нее.

«А как же медальон?» Холод сковал Джейкоба снова. Было даже страшно представить, что это могло значить...

– Убийца! – прошипел демон, надвигаясь. Плоть бывшего рассказчика свисала с его пылающего лица, словно нелепая маска. – Лицемер! Чудовище! Ты столько лет охотился на нас. Пришло время платить по счетам.

– Магда мертва. А Белиала не видели уже многие годы.

– Теперь мы служим новому господину. – Демон резко метнулся вперед, а затем так же резко остановился прямо перед Джейкобом и склонил голову набок. – Ты удивлен, не так ли? Но ты все равно долго не протянешь. Знаешь, что мы сделаем с тобой, убийца? Знаешь, где ты окажешься, когда мы обглодаем твои кости?

Джейкоб размахивал мечом из стороны в сторону, стараясь прикрыть себя по всем фронтам. Культисты в капюшонах тоже приближались к нему, и он почувствовал, как его охватывает подступающая паника.

Когда один из них прыгнул, Джейкоб едва успел среагировать и повернуться. Противник повис у него на плечах, зловонное дыхание ударило прямо в лицо, смешиваясь с тяжелым и кислым запахом плоти.

Тяжесть тела нападавшего придавила Джейкоба к земле. Клинок вошел культисту точно под ребра. Падая, Джейкоб чуть дернулся и тут же почувствовал, как струйка горячей крови пропитывает его одежду. Они упали на пол. Противник хрюкнул и застонал, его ноги задергались в конвульсиях.

Прежде чем он успел сбросить с себя умирающего культиста, остальные схватили Джейкоба и поставили на ноги, грубо выкручивая руку с мечом до тех пор, пока он не выронил клинок. Двое самых крупных и сильных прижали его к стене, оторвав ноги от пола. Когда Бар’агил приблизился, с лица его стекала кровь вперемешку с жиром, а глаза светились в темноте. Демон протянул руку, и из кончиков толстых, как разварившиеся сосиски, пальцев показались когти с изогнутыми концами.

– Ты заплатишь за это! – прошипел монстр. Из того места, где находились губы личины рассказчика, капала кровавая слюна. – Твой драгоценный меч архангела не сможет защитить тебя. Тираэль мертв, и на Санктуарий обрушится мощь справедливого суда! Люди будут страдать. А мы восстанем из пепла и будем сильнее, чем когда-либо.

Руны на полу запульсировали красным. Демон схватил Джейкоба за горло. Когти впились в плоть, и воздух стал медленно покидать легкие. В глазах Джейкоба замерцали звезды, водоворот их огней становился все ярче, угрожая поглотить все, что он знал и любил...

Он не мог с уверенностью сказать, что же произошло дальше. Свет в голове вышел за пределы тела, и когда он полностью пришел в себя, то уже стоял на полу, а демон больше не удерживал его.

Он жадно хватал ртом воздух, наполняя легкие желанным кислородом.

Бар'агил вместе с остальными членами Ковена повернулись к фигуре, ранее привязанной к стулу. Она стояла прямо, руки ее были свободны, а остатки веревок валялись на полу. Между сложенными ладонями висел сверкающий шар пурпурного пламени. Но глаза Джейкоба были прикованы к прекрасному лицу женщины.

– Шанар?

– Пригнись, – велела чародейка и одним изящным движением запустила шар чистой магической энергии в сторону ближайшего культиста. Шар достиг своей цели и разорвал грудь человека на куски. Джейкоб бросился на пол, закрывая голову руками.

Когда он вновь посмотрел наверх, в ушах зазвенело, а рядом с Бар'агилом осталось лишь две фигуры в капюшонах. Демон в ярости зарычал и бросился вперед, выпуская когти, словно намереваясь сорвать голову чародейки с плеч одним мощным ударом.

Вокруг Шанар образовалась сияющая сфера света, которая окутала демона и оставила культистов с чародейкой один на один. Движения членов Ковена были сильно замедлены, в то время как женщина двигалась с ошеломительной скоростью. Она вызвала потрескивающие шипы чистой энергии и, танцуя вокруг беспомощных существ, разбрасывала эти шипы, словно копья.

А затем, спустя секунду после начала, все было кончено.

Сфера света исчезла. Останки толстяка, в котором обитал Бар'агил, лежали на полу, разорванные почти надвое и истекающие кровью. Их окружали мертвые культисты, являя собой жуткое зрелище.

Шанар стояла в центре этой бойни, плечи ее были расправлены, а красивая грудь, стянутая кожаным корсетом, часто вздымалась. Темные волосы чародейки теперь были острижены до плеч, но в остальном она ни единой морщинкой не отличалась от той женщины, которую двадцать лет назад так страстно желал Джейкоб.

Шанар встретила его взгляд тем же знакомым вызывающим выражением глаз, которое всегда сводило его с ума во всех смыслах этого слова.

– Ничего не меняется, – сказала она. – Спасение твоей шкуры уже вошло у меня в привычку, Джейкоб. Я, правда, ждала до последнего. Но через какое-то время девушке надоест быть связанной.

– Могла бы и поторопиться, – сказал Джейкоб, осторожно поднимаясь на ноги и вытирая меч. Он прикоснулся к неглубокому порезу на шее, оставшемуся от когтей Бар'агила, и посмотрел на пальцы. Кровотечение прекратилось, а вот гордость его была уязвлена.

– Так было бы неинтересно. – С едва заметной улыбкой Шанар осторожно переступила через ближайшее тело. – Мне нужно было, чтобы ты явился сюда, так что пришлось ждать, пока демон явит себя, и убедиться, что настало время действовать. Конечно, предполагалось, что ты спасешь бедную девушку и свою собственную жалкую шкуру. Амбициозные планы... – она протянула руку. – А теперь, прежде чем нас захлестнет ностальгия, думаю, у тебя есть кое-что, принадлежащее мне.

Джейкоб порылся в складках своей туники и достал медальон ее отца – одну из немногих по-настоящему ценных для чародейки вещей. Знак алхимика. Когда-то Шанар рассказала ему историю о том, как сняла медальон с шеи покойного отца, прежде чем гроб с телом опустили в землю. Он ни разу не видел ее без него.

– Увидев его, я испугался. Ведь это значит, что ты... – Фраза так и повисла в воздухе. Даже после стольких лет, он так и не мог признаться в своих чувствах. Это была одна из многих причин, которые в конце концов разлучили их.

– Слухи о моей смерти сильно преувеличены, – сказала Шанар, пряча медальон. – Я позволила демону забрать его, чтобы достичь определенной цели. Знала, что проживу достаточно долго и сумею вернуть его. Однако ты... – она внимательно посмотрела на него, и ему показалось, что он почувствовал в ее взгляде нежность... наверное, просто показалось. – Ты выглядишь усталым.

– Это был трудный год. Что ты делаешь в этой части города?

– Не здесь, – сказала она, глядя на бойню. Руны исчезали, и тьма стала заполнять комнату. Шанар подняла зачарованный посох, который до этого момента был скрыт рунами в центре круга. – Снаружи.

* * *

В гостиной было даже темнее, чем ночью за окном. Шанар пробормотала несколько слов, и на конце посоха засиял шар голубого цвета. Он рассеял тьму, и Джейкоб последовал за чародейкой, когда та распахнула входную дверь. Ледяной ветер словно банши пронесся сквозь них, пронзая холодом до самых костей и принося с улицы жалящие песчинки.

– Подожди, – сказал Джейкоб. – Ты так и не объяснила, что здесь делаешь.

Шанар вздохнула, как будто делала ему одолжение.

– Помнишь, как ты нашел ту пещеру, в которой тебя дождался Эл’друин? Я ожидала тебя там же, верно?

Он кивнул:

– Ты вырезала историю моей жизни на стенах.

– Я следила за изменениями Хрустальной Арки, – произнесла она. – Небеса привели меня тогда к тебе и мечу, и вот теперь, годы спустя, они привели меня сюда. Не знаю, зачем, но, учитывая обстоятельства, я решила, что стоит прислушаться к их знакам.

По его телу пробежал знакомый разряд.

– Я... Я думал, что больше никогда тебя не увижу.

– Так и было задумано. – Шанар вздрогнула, плечи ее поникли. – Но планы меняются, нравится нам это или нет. – Она развернулась и зашагала прочь от двери.

– Куда ты идешь? – крикнул он ей вслед.

– Забрать старого друга! – ответила чародейка, стараясь перекричать ветер. – Давай. Я объясню подробнее по дороге. Нам нельзя терять времени, сегодня ночью мы уезжаем...

Он схватил ее за руку.

– Подожди, Шанар. Неужели ты думаешь, что можешь вот так просто взять и вернуться в мою жизнь, ожидая, что я как ни в чем не бывало последую за тобой?

Чародейка стряхнула его руку.

– Послушай, я знаю, что у нас с тобой остались неразрешенные вопросы, но у тебя есть выбор: продолжать упиваться жалостью к себе и заливать свои печали выпивкой еще пару недель или отправиться со мной в новое приключение, как в старые добрые времена. Кто знает? Однажды я откликнулась на зов, и он привел меня к Эл’друину. Может, на этот раз меч снова зовет меня и хочет, чтобы я взяла тебя с собой?

С этими словами она вновь развернулась и исчезла в темноте.

Джейкоб замер на дороге, охваченный смятением. «Дешевый трюк», – подумал он. Шанар знала, как на нем отразилась потеря меча, знала, что он почувствует, если она хотя бы намекнет на возможность возвращения оружия.

И все-таки, ну что он теряет? Чародейка права: он слишком долго предавался жалости к себе. Здесь, в Калдее, ему нечего делать. Встреча с Шанар воскресила все прежние чувства. Он вновь желал увидеть ее лицо.

И может, есть шанс – всего лишь шанс – вместе с нею вновь обрести Эл’друин.

Джейкоб натянул капюшон пониже, защищая лицо от жгучего ветра, и двинулся следом за чародейкой.

Глава вторая

Тристрам, несколько недель спустя

Монах остановился на вершине холма, жестом приказав своим спутникам задержаться. Он обвел взглядом разрушенные окрестности в поисках опасности. В небольшой долине было тихо. Сумерки сменялись ночной темнотой, и из-за облаков показался полумесяц, очерчивая своим светом понурые, скелетообразные деревья, которые тянули свои костлявые пальцы к почерневшему небу.

На соседнем холме ясно виднелись руины старого собора.

Некогда величественное, сооружение было разрушено упавшим, подобно звезде с небес, архангелом. Боги послали монаху видение – длинная, похожая на реку полоса света в небе. Шпиль и стены собора почти не затронуло, а вот в земле зияла огромная дыра, подобно рваной пасти открывавшая верхние уровни тайных катакомб, лежащих глубоко внизу. Из-под обломков торчали сломанные арочные опоры, повсюду валялись груды камней и обломки деревьев. Огонь опустошил часть помещений, но в тусклом лунном свете Микулов разглядел несколько уцелевших рядов деревянных скамей, которые стояли нетронутыми, будто ожидая следующего визита прихожан.

Все это он часто видел в своих снах, но узреть во плоти, почувствовать запах обугленных останков и гнили, находясь в самом эпицентре – совсем другое дело.

Сейчас боги молчали. Монах не винил их за то, что они покинули это заброшенное место.

* * *

Двое мужчин из сопровождения Микулова дождались его сигнала, что все чисто, и поднялись на вершину холма. Тренировки поддерживали их в лучшей, чем у большинства обывателей, форме, но ни один из них не мог сравниться с легендарной подготовкой монаха из Ивгорода, а путешествие из Геа Кула в Кеджистан было долгим и утомительным. Тяжелые сумки, закинутые на плечи, лишь увеличивали нагрузку, но никто даже не думал о том, чтобы расстаться с ними. Мужчины были членами ордена хорадримов, и тексты, что они несли, были для них ценнее крови, что текла по их венам.

Каллен первым достиг вершины и посмотрел на руины. Невысокий мужчина поправил очки на переносице. Он много лет изучал работы Каина и всегда желал воочию увидеть Собор Тристрама, но лишь тот, кто хорошо его знал, мог почувствовать волнение, скрывающиеся за внешне спокойным поведением.

Томас бросил рюкзак на землю и коснулся руки Каллена. Глаза высокого мужчины сверкнули в сумерках.

– Здесь покоится история, – сказал он. – Если нам удастся получить доступ к нижним уровням...

– Это весьма неразумно. – Микулов обернулся к товарищам. – Там небезопасно. И мне еще предстоит разведать окрестности. Может, Санктуарий и очищен от Единого Зла, но низшие демоны продолжают бродить по этим землям. Мы должны быть очень осторожны.

– Тогда мы поищем место погребения, – ответил Томас. – Мы обязаны сложить гробницу, пусть даже и весьма скромную, если этого еще не сделали. Он заслужил хотя бы это.

Микулов внимательно посмотрел на лица друзей. У Каллена, исследователя, несмотря на лысую макушку, все еще были заметны мальчишеские черты, но за время долгого, изнуряющего путешествия щеки немного впали. Томас был на фут выше своего спутника и гораздо худее, но его глаза светились уверенностью воина. Мужчины сильно изменились с тех пор,

как он оставил их в Геа Куле после поражения Тьмы и падения Черной Башни. Монаху было любопытно, каким они видят его самого.

– Оставайтесь здесь, – сказал он. – Боги молчат. И я должен выяснить, почему.

* * *

Оба хорадрима смотрели, как монах спускается с холма и, проскользнув между деревьев, исчезает во мраке. Как всегда, подумал Каллен, он двигается словно призрак; даже луна не в силах отыскать его. Каллен вспомнил, как испытал смесь тревоги и благоговения, впервые встретив Микулова больше десяти лет назад.

Ничего не изменилось и после возвращения монаха в Геа Кул, в новый храм хорадримов, несколько месяцев назад. Казалось, Микулов был весьма удивлен, обнаружив в Геа Куле процветающий центр научных исследований, созданный постоянно растущей группой хорадримов во главе с Томасом и Калленом. После падения Черной Башни Декард Каин стал легендой, и они поклялись исполнить его предсмертную просьбу. В конце концов, хорадримы беспрекословно следовали его учениям и писаниям.

Микулов присоединился к остальным в изучении древних текстов, но все же не нашел свое место. По его словам, боги многое открыли ему за последние десять лет странствий, но свое истинное предназначение ему еще предстояло узнать. Однажды вечером, исследуя развалины башни, где состоялась последняя битва с Тьмой, Микулов почти слился воедино со всем сущим и ему открылось новое видение. Он рассказал, что столкнулся с окутанным светом незнакомцем, воплощением самих богов, который и сообщил ему, что монах должен отправиться в Тристрам на поиски развалин собора.

По его словам, богам не свойственно являться в таком обличье, но кроме этого Микулов больше ничего не рассказал о видении. И все же каким бы ни было видение, оно встревожило монаха настолько, чтобы заставить хранить молчание. Микулов был полон решимости отыскать старый собор, и когда он попросил Томаса и Каллена сопровождать его – упомянув, что от этого зависит судьба самого Санктуария, – они с готовностью согласились.

«Наш друг провел годы, блуждая по Санктуарию в поисках истины и избегая на своем пути множества убийц из Ивгорода. Он заслуживает того, чтобы мы верили его слову. Если его боги призвали его в собор, мне этого достаточно».

Конечно, эта была не единственная причина, по которой они последовали за монахом.

– Я всегда представлял собор куда более... грандиозным, – сказал Томас. – Более впечатляющим.

– Мы провели годы, изучая то, что здесь произошло. Это имеет первостепенное значение для нашей конечной цели. И все это поглотил огонь.

Томас смотрел вниз на руины. Он долго молчал, а его взгляд блуждал по выжженным холмам. Каллен знал, что тот ищет.

– Декард покоится рядом с могильником, там, где его тело обратилось в пепел, в дыму и пламени огромного костра, – сказал он. – Сам архангел Тираэль был тому свидетелем. Записи об этом оставила нам Лия, прежде чем... прежде чем ее не стало. И у меня нет причин для сомнений.

Он бросил на землю сумку и принялся искать в ней карту, которую они собственноручно составили в храме, и максимально точно воссоздающую Тристрам. Каллен отвечал за старые и новые тексты, составлял каталог обширной библиотеки хорадримов и следил за переписыванием и переплетением тех томов, которые угрожали рассыпаться в пыль от одного прикосновения. Эта карта была одной из его лучших работ.

Бормоча под нос слова силы, он разложил карту на большом корне, торчащем из каменной земли будто черная змея. Знаки мягко засветились, открывая грубые наброски собора и его окрестностей.

«Грубовато, но тщательно размечено». Это была копия подлинного свитка хорадримов, и он сам обновлял ее, получая свежие данные. Если верить карте, кладбище располагалось прямо за развалинами.

Когда свечение исчезло, Каллен убрал карту и взгляделся в слабый лунный свет. Его сердце сильно забилося.

– Может, нам следует немного прогуляться...

– Не двигаться.

Каллен почувствовал острие клинка у своей шеи.

Томас успел наполовину обнажить меч, но замер. Он наблюдал за кем-то, кто стоял прямо за правым плечом Каллена. Его взгляд скользнул вниз и налево. Каллен понял, что он хочет. Нападавший был левшой и одно верное движение могло освободить Каллена настолько, чтобы Томас сумел нанести удар.

Но клинок был крепко прижат к телу Каллена, так что это было слишком рискованно.

Каллен издал низкий гортанный звук, и человек позади него слегка дернулся. Лезвие вжалось в плоть быстрее, чем луна пролила на него свой свет.

– Некромант, – сказал Томас. Он медленно вернул меч на место и поднял руки. – Отпусти моего друга. Мы не ищем ссоры. Мы из ордена хорадримов и прибыли из Кеджистана. Какое дело привело сюда тебя?

Клинок остался на месте, и Каллен закрыл глаза, ожидая, когда его горло обагрится горячей кровью. Но в конце концов клинок исчез.

– Скорее всего, нищие и воры, – произнес другой голос. – На твоем месте я бы спал с одним открытым глазом. Хотя особого выбора у меня нет. Я всего лишь следую за тобой.

Каллен обернулся, ожидая увидеть двух мужчин, но обнаружил только одного. Незнакомец был худым и бледным, словно сама смерть, а черная челка словно бы рассекала его серьезное бородатое лицо. Мужчина был одет в плащ с вышитыми по краю серебряными рунами; на его правой руке красовалась черная перчатка, в левой же был зажат костяной кинжал. Лезвие светилось жутким голубым светом. Но сильнее всего привлекали внимание его глаза – бледно-серые и светящиеся, словно две маленькие луны.

Этот человек был полон скрытой, но опасной силы. Его кожаные ботинки не издавали ни единого звука на гравийной дороге.

В свое время Каллену доводилось встречать парочку некромантов, и их практика темных искусств всегда нервировала людей. Адепты смерти редко проявляли эмоции и держались особняком, но конкретно этот вызывал еще большую тревогу, чем его собратья, и хорадрим не мог понять почему. Возможно, конечно, дело было в том, что некромант только что приставлял нож к горлу Каллена.

Ну и разумеется, второй голос.

– Твой напарник, – произнес Каллен. – Куда он делся?

Рука некроманта скользнула к толстому, размером с дыню, мешочку на поясе.

– Здесь больше никого нет.

– Просто прекрасное знакомство, – с негодованием произнес слегка приглушенный голос.

– Сам-то я не могу пожать им руки. Стыдно, да? Я словно та горбатая тетка, которую семья держит взаперти в подвале, чтобы не пугать соседей.

– Тише, – сказал некромант и похлопал по мешочку.

– Я и так слишком долго молчал, – продолжал голос. – Здесь темно и тесно. Да и воняет, как в заднице мула, если позволите заметить.

Казалось, что некромант немного поколебался, прежде чем расстегнуть мешочек и извлечь на свет человеческий череп без нижней челюсти. Каллен отшатнулся, а Томас вскрикнул и выхватил меч, готовый в любой момент отразить удар.

Пустые глазницы белели в лунном свете.

– Рад знакомству, – произнес череп.

Глава третья

Некромант

Двое мужчин представились хорадримами, а на их сумках был вышит знак ордена. Судя по скромной одежде, это были простые ученые: светло-коричневые мантии, накинутые поверх серых туник, подпоясанных ремнем, на ногах сандалии. Ходили слухи, что где-то в Кеджистане образовался новый клан ордена, а совсем недавно в Вестмарше некромант наткнулся на качественную копию хорадримского писания. Владелец книжной лавки утверждал, что тот был якобы отправлен из Геа Кула. Однако истинный орден прекратил существование много лет назад.

Тот, что пониже ростом, едва не потерял очки, когда отпрянул от черепа, и теперь, часто моргая, водрузил их обратно на нос.

– Кто *– что* – вы такое?

– Судьба сыграла со мной злую шутку, когда я грабил затерянный город, – ответил череп. – Этого славного малого, что угрожал тебе ножом, зовут Зейл. Он призвал мой дух, чтобы я помог ему отыскать нужное место.

– Достаточно, Гумберт, – сказал некромант. Ему было не по себе в подобном месте, хотя он никак этого и не показывал. Тристрам был навечно связан с такой тьмой, с которой даже ему бы не хотелось сталкиваться. «В городе поселились хаос и разрушение, – подумал он, – а эти двое хотят найти здесь ответы».

Зейл с грустью вспомнил прошедший год. Он не часто судил о своей жизни, опираясь на прошлое или полагаясь на судьбу. Ему придется покинуть этот мир, лишь когда настанет его час, и ни минутой раньше. Но похоже, в последнее время хаос получил полную свободу действий. Отсутствие камня мироздания все еще влияло на мир смертных: полчища демонов продвинулись как никогда далеко на восток и теперь угрожали его родине в восточных джунглях. Он и его братья давали им отпор, но Зейл вновь оказался далеко от дома, пытаясь отыскать причину нарушенного Равновесия. Он чувствовал, что источник мятежа находится на западе, и что два малых воплощений Зла, Белиал и Азмодан, покинут Преисподнюю и вторгнутся в Санктуарий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.